

ПРОЕКТ «ИСЕТИ»

Маршалы России

БИРЮЗОВ Сергей Семёнович

Родился 8 августа (21 августа) 1904 г. в г. Скопин Рязанской обл., «из семьи торговца», русский. В Красную Армию вступил добровольно 15 сентября 1922 г.

В годы Великой Отечественной войны - командир стрелковой дивизии (с августа 1939 г. по апрель 1942 г.), начальник штаба армии на Брянском фронте (по ноябрь 1942 г.).

С ноября 1942 г. по апрель 1943 г. С. С. Бирюзов - начальник штаба 2-й гвардейской армии Сталинградского (Южного) фронта, с апреля 1943 г. - начальник штаба Южного (4-го Украинского) фронта и с октября 1944 г. - командующий 37-й армией (по май 1946 г.).

После окончания войны С. С. Бирюзов - заместитель Главного командующего Сухопутными войсками по боевой подготовке (по июнь 1946 г.), заместитель Главного командующего Южной группой войск и командующий 10-й механизированной армией (по июнь 1947 г.), командующий войсками Приморского военного округа (по май 1953 г.), Главного командующий Центральной группой войск (по июнь 1954 г.), первый заместитель Главного командующего войсками ПВО страны (по апрель 1955 г.), заместитель

министра обороны и Главного командующий войсками ПВО страны (по апрель 1962 г.), заместитель министра обороны и Главного командующий Ракетными войсками (по март 1963 г.), начальник Генерального штаба — первый заместитель министра обороны СССР (по октябрь 1964 г.).

С.С. Бирюзов - Герой Советского Союза (1.02.1958 г.), награжден 5 орденами Ленина (27.03.1942 г., 6.11.1947 г., 20.08.1954 г., 1.02.1958 г., 20.08.1964 г.), 3 орденами Красного Знамени (13.09.1944 г., 3.11.1944 г., 20.04.1953 г.), орденами Суворова I степени (16.05.1944 г.), II степени (31.03.1943 г.), Кутузова I степени (17.03.1943 г.), Богдана Хмельницкого I степени (19.03.1944 г.), а также 5 медалями СССР и 9 орденами и медалями иностранных государств.

Звание Маршал Советского Союза присвоено 11 марта 1955 г.

Погиб в результате авиакатастрофы вблизи Белграда 19 октября 1964 г. Похоронен на Красной площади в Москве.

ПО ПРАВУ ПАМЯТИ

Без вести пропавшие

*Пропавших без вести не ждут,
Не ждут и не хоронят,
А вдруг они назад придут,
Свое лицо уронят нам в ладони...*

Вот уже 15 лет прошло с тех пор, как я дала слово уважаемой женщине, участнице Великой Отечественной войны и не исполнила обещание. С этой женщиной я встретила в 2000 году во второй городской больнице. Как обычно, женщины в палате рассказывали о чём-то своём, наболевшем, а я взяла тетрадку и коротенько записывала то, что мне казалось интересным. Около окна сидела пожилая женщина лет 75-78 с красивым чистым лицом. Волосы седые, даже слегка голубоватые. Она больше молчала и слушала других. Спрашиваю:

— А вас как зовут?

— Меня? Баба Феня все зовут.

— А по документам?

— Федосья Ефимовна я, а ты что же это всё пишешь?

— Пишу то, что мне интересно, потом использую в работе или включу в какой-нибудь рассказ. Я работаю в школе, веду предмет о психологии семейной жизни и пример из жизни иногда гораздо важнее книжных примеров. Может и вы расскажете что-то интересное из жизни?

— Так ведь не напишешь!

— Напишу, — почти не задумываясь сказала я, а обещание не исполнила до сих пор...

— Расскажу о случае на войне, — начала свой рассказ Федосья Ефимовна, — звали меня в семье Феня, так и подружки называли. В 19 лет прошла курсы, стала пулемётчицей, служила в полку, где все — от комполка до самой малой должности занимали женщины. Будучи пулемётчицами, девчонки выполняли и другую военную «работу». Ходили и в разведку, если нужно было...

...Вот один случай.

Шла перестрелка на передовой, затем она закончилась. Наши войска как бы отошли, оставили одну линию окопов, которую немцы ещё не заняли, но окопы эти были ещё ничьи. Посылает меня командир взвода проверить, не остался ли кто живой в окопах. Сильно я боялась идти, но послушаться не могла, не имела права. Ползла днём, плотно припадая к земле, прислушиваясь к своей и вражеской стороне — выстрелить могли хоть откуда. Наконец, добралась до окопа, сползла туда, присела, отдышалась, начала медленно пробираться по окопу. Тишина стояла, даже в ушах звенит. Никого не было — ни мёртвых, ни живых. Боялась только засады немцев. Проверила благополучно отрезок окопов, оставалась ещё землянка. Подползла, прислушалась — ни звука. Вошла осторожно, на нарах кто-то лежит, закрытый с головой. Отдернула тряпку и испугалась — шестеро молодых парней, мёртвых, в один ряд, закрытые с головой, совершенно нагие. Ойкнула и бежать, но потом остановилась и вернулась обратно. Потрогала ноги, убедилась, что живых нет. Никаких на теле ран нет, наверное,

отравлены были ребята. Кинулась бежать вдоль окопа, быстро проползла обратно, страх после только что пережитого прошёл. Вернулась и сразу к командиру:

— Задание выполнено!

А она не верит:

— Вернись, потрогай за лицо, вдруг кто-то живой, а ты не заметила.

Сердце обмерло от нового приказа. Дорога до землянки уже не казалась страшной, но страшно было еще раз остаться наедине с безмянными мальчишками, брошенными там, на ничейной земле. Вернулась, потрогала, подергала за нос каждого, убедилась, что живых нет. Задание выполнила. Прошло уже столько лет, а хлопцы эти до сих пор с глаз...

Федосья Ефимовна задумалась надолго, а потом закончила:

— Похоронил ли кто их или нет, этого не знаю, наверное, нет. Да и до мой никто не сообщит, некому, ушли все...

Вот и весь рассказ этой мужественной женщины, маленький эпизод огромной трагедии — войны.

Нина СУХНЕВА.

НАМ ПИШУТ

Как живётся вам, «дети войны»?

Чем меньше остается времени до великого праздника — 70-летия Победы, тем с большим интересом я читаю все материалы, посвященные этой дате. Я искренне радуюсь за ветеранов войны, за тружеников тыла, как о них заботятся, какие почести им воздаются, какие мероприятия проводятся для них! Это замечательно!

Но я, дочь погибшего воина, ишу в наших газетах материалы о нас, «детях войны» и не нахожу ни строчки. А ведь мы еще живы и самым «молодым» из нас уже 70, и мы тоже старые и нуждаемся во внимании и заботе. И это ведь наши отцы под-

нимались в атаку, когда подниматься было просто невозможно, это они закрывали своими молодыми и горячими сердцами амбразуры немецких дотов, и это они выходили на встречу вражеским танкам с одной гранатой в руке, это они

умирали, но не сдавались, и это они лежат в земле на всей огромной территории бывшего Советского Союза и по всей Европе, и это они приблизили нашу Победу. Лично меня, дочь погибшего воина, никто и никогда не поздравил с праздником Победы, не поинтересовался, как я живу, да, я думаю, к другим такое же отношение. И становится грустно и обидно...

В чем же мы виноваты?

Е. Иванова.

ЗАБЫТЫЕ ПЕСНИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Песенка военных корреспондентов

Строки этой песни увековечены скульптором Львом Ефимовичем Кербелем в памятнике, который установлен у входа в Центральный дом журналистов в Москве. «Корреспондентской застольной» назвали ее авторы.

В сборнике, посвященном погибшим на войне журналистам, «В редакцию не вернулся» Константин Симонов указывает точное время написания стихотворения, ставшего этой песней — 1943 год. В нем приводятся тексты еще нескольких журналистских песен военных лет. И среди них — та, в которой угадываются контуры будущей «Корреспондентской застольной».

Симонов написал ее вместе со своим другом поэтом Алексеем Сурковым в 1942-м году. Имеется в виду их «Песня о веселом репортере». Пелась она на мотив популярной веселой песенки «Шестнадцать негрят», искрилась юмором, но заканчивалась на трагической ноте:

*Под Купянском, в июле,
В полях, в степной простор
Упал, сраженный пулей,
Веселый репортер...
Блокнот и «лейку» друга
В Москву, давьясь от слез,
Его товарищ с юга
Редактору привез.
Но вышли без задержки
Наутро, как всегда,
«Известия» и «Правда»,
И «Красная звезда»...*

Вот что добавлял к истории создания песни сам автор стихов в своих знаменитых дневниках «Разные дни войны. 1941-1945 г.г.» Константин Симонов:

— Передав 12 февраля 1943 года в Москву корреспонденцию о взятии нашими войсками Краснодара, получил по военному проводу встречную телеграмму — перебраться с Северо-Кавказского на Южный фронт, чтобы поспеть к освобождению Ростова. Добираться туда пришлось в февральскую распутицу, на чужой машине — «виллисе», принадлежавшем члену Военного совета.

Шофер, как всякий чужой, взятый «напрокат», да еще шофер большого начальства, да еще взятый в длиннейшую и грязную дорогу, с необходимостью возвращаться обратно по этой же дороге, невзлюбил меня. А у меня настроение тоже было скверное — я паршиво себя чувствовал, разбаливался. Чтобы преодолеть это неважное душевное и физическое состояние, я стал сочинять корреспондентскую песню. Сидя рядом с водителем, я закутался в бурку и вытаскивал из-под бурки руки не хотелось, поэтому песню сочинял

на память. Написав в уме строфу, начинал ее твердить вслух, пока не запомню. Потом начинал сочинять следующую и, сочинив, чтобы не забыть предыдущую, повторял несколько раз подряд вслух обе. И так до конца песни. И чем дальше сочинял ее, тем длинней был текст, который я каждый раз повторял...

Шофер, как только мы приехали, попросил разрешения отлучиться и мгновенно исчез. Как потом под общий смех выяснилось, мой хмурый водитель явился в санчасть с сообщением, что с ним с Северо-Кавказского фронта ехал сюда сумасшедший подполковник, который чуть ли не двое суток подряд все время разговаривал сам с собой. Мы долго потешались над этой историей в тот вечер и, выпив положенные сто граммов, хором, на мотив «Мурки», впервые пели сочиненную мною песню.

*От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли.
С лейкой и с блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу
мы прошли.*

*Без глотка, товарищ,
Песню не заваришь,
Так давай по маленькой нальем.
Выпьем за писавших,
Выпьем за снимавших,
Выпьем за шагавших под огнем!*

*Есть, чтоб выпить, повод —
За военный провод,
За У-2, за «эмку», за успех.
Как пешком шагали,
Как плечом толкали,
Как мы поспевали раньше всех.
От ветров и водки
Хрипли наши глотки,
Но мы скажем тем,
кто упрекнет:*

*«С наше покочайте,
С наше поночайте,
С наше повоюйте хоть бы год!».*

*Там, где мы бывали,
Нам танков не давали —
Но мы не терялись никогда.
На пикапе драгом
И с одним ваганом
Первыми въезжали в города.
Так выпьем за победу,
За нашу газету,
А не доживем, мой дорогой,
Кто-нибудь услышит,
Снимет и напишет,
Кто-нибудь помянет
нас с тобой!*

ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ

Посвящаю другу детства Харлову Оресту Владимировичу, который отлично воевал, был ранен, но снова возвращался на фронт. Погиб смертью храбрых при освобождении Белоруссии, в бою на станции Бобры.

Ушёл, недолюбив

В порядке ли на строки похоронки.
с далекой той поры Она надеялась,
Его могила — и виделось ей в снах,
сказать я не берусь. Что он вернулся —
Но знаю, что героически целый и здоровый.
на станции Бобры И что по нашей улице Садовой
Мой друг погиб в бою С любимой девушкой идет
за Беларусью. при орденах.
А мать, что письма Но он солдат,
часто получала, он присягал Отчизне.
Все поняла по взгляду И в мир иной —
почтальонки. себя не посрамив,
И с болью в сердце В расцвете лет — во имя жизни
горько зарыдала, Ушел недомечтав, недолюбив.
Роняя слезы Владимир ГЕРАСИМОВ.